

**MARSH
MALLOW** BOOKS

флешбэк мечты

Морин Гу

Marshmallow Books

Москва
2025

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г93

Maurene Goo
Throwback

Переводчик: Александра Глебовская
Редактор: Анастасия Маркелова

Гу, Морин.

Г93 Флешбэк мечты / Морин Гу. — М.: Альпина Паблишер,
2025. — 496 с.

ISBN 978-5-9614-9276-7

Старшеклассница Сэм — твердая хорошистка и не стремится быть лучшей в школе. Но строгая мать-корейка Присцилла ожидает от нее гораздо большего и давит на Сэм, не обращая внимания на ее чувства.

После очередной семейной ссоры Сэм едет в школу, но вместо этого, к своему ужасу, попадает в прошлое... и оказывается в одном классе с семнадцатилетней мамой. Теперь Сэм придется подружиться с Присциллой и придумать, как помочь ей стать королевой школьного бала, иначе она рискует застрять в прошлом навсегда.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ, для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© 2023 by Maurene Goo
Иллюстрация на обложке © Ing Lee
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2025

Если благодарные эмигранты из Азии считают, что обязаны своей жизнью Америке, то ребенок считает, что пожизненно обязан родителям за их страдания. <...> Готова признать, что все бремя истории лежит только на моих плечах.

Кэти Парк Хонг. «Невеликие чувства»

Ладно, Макфлай, порядок. Возьми себя в руки. Это сон. Просто очень похожий на правду.

МARTИ МАКФЛАЙ (из к/ф «Назад в будущее»)

Посвящается маме, ясное дело

пролог

Телефон разряжен до семи процентов, а платье мне мало.

Я запретила себе одергивать красную ткань, прилипшую к попе, и паниковать из-за телефона. *Сосредоточься на главном.*

Обшарила глазами толпу.

Да, бал в честь начала учебного года проходил в спортзале, но оргкомитет умудрился превратить это помещение в нечто вполне романтическое. Повсюду развесили полоски фольги — по баскетбольным кольцам, по футболкам чемпионов в рамках, трибуны украсили серебряными шариками. Все остальное тонуло во мраке — из освещения были только прожекторы всех цветов радуги. На блестящем полу толпились танцоры — яблоку негде упасть.

Я отыскала взглядом Присциллу — дивное видение в льди-сто-голубом — за секунду до того, как в зале погас свет и раздались наигранно-испуганные вопли. Все разнаряженные гости нервно переминались с ноги на ногу — их радостное возбуждение граничило с подлинным страхом.

Во тьме мы пробыли недолго. На середину танцпола упал яркий луч прожектора — в нем стоял директор Баррет: к лицу приклеена улыбка, мохнатые брови наползают на оправу очков, костюм мешковатый и бесформенный.

Грянул *Insane in the Brain* группы *Cypress Hill*, свет запульсировал, директор Баррет странно задержался, поджав локти к груди и шаркая ногами в такт музыке.

Мама дорогая. Это ж он танцует.

Хохот в спортзале доброжелательностью не отличался. Что, сбрендившие директора существуют не только в плохих подростковых фильмах? Впрочем, не знаю, чему я тут удивилась. В последнюю неделю все вокруг напоминало плохое подростковое кино.

Музыка, к счастью, перешла в фоновую.

— Настал тот миг, которого вы все так ждали! — проревел директор Баррет.

— Вы сейчас застрелитесь! — взвизгнул кто-то из зала.

Хохот. Ну они и фрики.

Директор Баррет храбро все выдержал.

— Сейчас будут объявлены имена короля и королевы бала!

Зал отчетливо заволновался. Кто-то рядом со мной пискнул от неподдельного восторга.

Я посмотрела на Присциллу с этими ее локонами в стиле Ширли Темпл — черными, блестящими, безупречными. Они так и скользили по голым плечам — атласное платье было без лямок. Кожа, припорошенная блесками, посверкивала. Она была красива до боли — просто девушка мечты.

Присцилла перехватила мой взгляд, скорчила рожу:

— Сфотографируй — лучше запомнится.

Моя улыбка превратилась в злобную гримасу.

— У тебя прыщик из-под консилера видно.

Ладонь ее взлетела к подбородку. Микрофон хрюкнул, и мы обе стали слушать Баррета дальше.

Все зависело от одного этого мгновения. И тогда лихорадочная несусветица в стиле Дэвида Линча и длиной в неделю канет в прошлое. Уж надеюсь.

Очень хотелось вернуться домой.

Мы одновременно протянули друг другу руки.

Я стояла и ждала, назовут ли мою маму королевой бала.

глава 1

Мама моя очень любит рассказывать одну историю — про день моего рождения. В Лос-Анджелесе стояла рекордная засуха. Но, когда у мамы отошли воды («Вот Богом тебе клянусь, Саманта, ничего не выдумываю»), небеса разверзлись и хлынул ливень.

Десятилетняя засуха завершилась в тот самый день — ее смыло водяными потоками. А когда через одиннадцать часов я появилась на свет, в больнице отключили электричество, так что лицо мое мама впервые увидела в режущем глаза свете мобильного медсестры.

Когда я была маленькой, я очень из-за этого собой гордилась. Типа рождение мое стало чудом — таким, что даже природа придумала особую фишку и поприветствовала меня шикарным спектаклем. Легко было собой гордиться в детстве, когда весь мамин мир вращался вокруг меня, будто вокруг самого замечательного человека на свете.

А потом это изменилось — изменилось и мое восприятие истории собственного рождения. А что, если тем самым миро-

здание решило мне сообщить, что я с самого появления на свет буду главным геморроем всего человечества?

САМАНТА, ТЫ ГДЕ?

На экран мобильного упала дождевая капля, размыв мамин агрессивное послание. Я подняла глаза на потемневшее небо и как раз успела увидеть проблеск молнии.

— Блин, блин, блин. — Я засунула телефон в карман яркосинего вязаного платья и бегом бросилась от машины к ступеням у входа в загородный клуб «Оаквуд». Капли посыпались настоящим ливнем, я за несколько секунд промокла до нитки. Когда я наконец-то добежала до навеса перед входом, носки уже хлюпали в «доксах». Ни фиги эти кроссы на самом деле не водонепроницаемые. Платье же теперь годилось только для шоу фриков: из-за мокрых пятен ткань стретч стала напоминать картину художника-абстракциониста. Да уж, видок как раз для «клубного собеседования».

Вместо клубного собеседования я бы с огромной радостью:

1. Пожевала стекляшки.
2. Выкопала канаву.
3. Пободалась с белым по поводу «Все жизни имеют значение».

Дождь лил потоком, я отжала волосы. Телефон снова завибрировал.

НАДЕЮСЬ, ТЫ СКОРО.

Это я тоже проигнорировала. Я отвечаю на сообщения, набранные одними прописными буквами, только если они от моего лучшего друга Вэл или если, судя по гифке, там что-то ну очень срочное. Еще одна проблема в том, что мама никогда не ставит в сообщениях восклицательных знаков, даже если набирает все одними прописными, — и это тоже довольно гнусный приемчик. Делать вид, что тебе пофиг, — мамин любимый способ воздействовать на окружающих. Короче, нет, я не собиралась все бросать и писать ответ. К тому же на самом-то деле я на собеседование не опаздывала. Просто у мамы очередной психоз.

В это время на парковке едва не столкнулись два люксовых внедорожника. Один водитель в отчаянии вскинул руки — все окна у него запотели. Машина рывком обогнала другую, из-под колес вылетел целый водяной вал, обдал какую-то женщину, бежавшую к своему автомобилю. Та с совершенно ошалелым видом побрела дальше.

Какие страсти. Я инстинктивно вытащила телефон и стала записывать голосовое сообщение.

Привет, хальмони!

Замечала, что, когда в Лос-Анджелесе идет дождь, реальность меняется?

Типа солнечно-пастельные здания вдруг начинают казаться грязными — на уродской штукатурке стен

проступают пятна. Из щелей на разделительной полосе вдруг вылезают цветы, которых там сто лет не было. Все разом забывают, как надо водить машину. Какое вождение? У меня вода на капоте!

Мальчишка с аккуратно подстриженными темными волосами толкнул двери клуба и вылетел наружу, звонко рассмеялся, увидев дождь: в здешних краях осенью это большая редкость. Родители тянули его назад, но он выскочил навстречу струям, в восторге выставив перед собой ладони.

И в этом даже есть что-то волшебное, правда? У нас здесь, если подумать, нет погоды. Так что, когда нам напоминают, что стихии нам неподвластны, возникает какое-то потустороннее ощущение.

Тут, будто в подтверждение моих слов, небо опять разрезала молния. Я вытянулась в струнку и стала ждать грома. Когда он зарокотал, почувствовала его всем телом — от раската у меня задребезжали кости.

Когда я вообще завела эту привычку? Пару лет назад: стала записывать всякую ерунду для бабули, которой страшно нравилось слушать эти сообщения, — получался такой ее личный подкаст.

Когда здесь идет дождь, начинаешь верить, что существует что-то большее, чем ты сам. Что-то божественное — и оно

способно изменить твою жизнь ровно за то время, пока
в небе блеснит молния.

Я остановила запись и распахнула входную дверь — мед-
ные ручки покрыты изящной патиной. Может, на меня и снизо-
шло какое откровение, но оно тут же испарилось, когда я ока-
залась в вестибюле загородного клуба «Оаквуд» и зашагала по
мягким темно-зеленым коврам мимо великанской компози-
ции из душистых лилий.

Каждый мой шаг навстречу родителям сопровождался хлю-
паньем.

Хлюп-хлюп. Хлюп.

— Привет.

Родители обернулись на звук моего голоса. Мама замети-
ла, что я мокрая как мышь, — смерила меня взглядом с ног до
головы.

— Господи боже.

Я попыталась улыбнуться:

— Видишь, я не опоздала.

Папа явно был озадачен.

— Да как же ты... — Он махнул рукой куда-то в направле-
нии моего испорченного наряда. Полагаю, у родителей было
свое представление о том, как я должна выглядеть на бесе-
довании.

Мама как раз-таки выглядела на все сто: тренч от «Бербер-
ри», туго затянутый поясом, из-под него выглядывает юбка
цвета пыльной розы. Длинные темные волосы, мелирование

и безупречная укладка. Ни одна капля дождя не посмеет упасть с нею рядом.

— Ты же знала, что у тебя сегодня собеседование! О чем ты думала?

У меня аж челюсть упала.

— Чего? Я что, могла предвидеть, что польет, как только я припаркуюсь?

— Саманта, прекрати, на это существует прогноз погоды. — Мама у меня этакая бизнесвумен из фильма Норы Эфрон — язвительная. За словом в карман не лезет и может убить своим сарказмом.

Я махнула рукой:

— Да кто его смотрит в Лос-Анджелесе? Тут две погоды: свитер нужен или нет.

Мама ущипнула себя за переносицу:

— Где ты была после уроков?

— Помогала Карену снимать фильм для Нью-Йоркского университета.

Родители переглянулись. Мельком, но я заметила. Не то чтобы они моего бойфренда терпеть не могли, но и любили не слишком.

— Вечно ты этому парню помогаешь с его заданиями, — обронила мама, сжав губы в ниточку. — А свои заявления в университеты уже разослала?

То, что эту тему подняли не где-нибудь, а прямо здесь, меня реально выбесило.

— Мам, да все у меня в порядке.

— И что подразумевается под «в порядке»? Такие вещи нужно делать своевременно, чтобы потом не устраивать нервотрепку.

— Мам, не будет никакой нервотрепки. — Я провела пальцами под глазами в надежде стереть подтеки туши.

— Это верно: нервы у тебя железные.

Я коротко хохотнула, мама покачала головой:

— Буду умирать, загадаю одно желание: чтобы ты научилась правильно расставлять приоритеты, например что вступить в клуб важнее, чем помочь бойфренду.

Слово «важнее» запрыгало у меня в голове, ударяясь о стенки черепа, а мимо как раз прошла пожилая пара в одинаковых пастельных ветровках. Я обвела взглядом бледно-розовые обои, занавески с цветочным принтом.

А потом, не выдержав, выдала:

— Я просто... почему это так важно? Я вообще не понимаю, зачем вы меня сюда притащили.

Папа вдруг рванулся в сторону — его внезапно заинтересовала какая-то акварель с изображением французского кафе.

Мама шагнула ближе, заправила мне за ухо прядку мокрых волос.

— А затем. Они хотят познакомиться со всей нашей семьей. И если нас примут, может, в будущем и ты попадешь в число членов клуба.

Мне иногда кажется, что я — участница телешоу, которое снимают скрытой камерой. Например, когда мама начинает

вести себя так, будто членство в загородном клубе — это ценное наследство, которое потом можно торжественно передать дочери.

— Чего? — спросила я, и слово это прозвучало глупо даже в моих собственных ушах. — Это... что-то такое... чего я еще и хотеть должна?

Мама не успела ответить — подошел какой-то белый парень с бронзовым загаром и вялым подбородком.

— Добрый день, это вы Канги? — спросил он, глядя на свой клипбординг.

Мамино лицо из сердитого тут же стало сияющим. Лоб разгладился, глаза раскрылись пошире, улыбка сделалась ослепительной.

— Да-да! Я миссис Канг. Но, пожалуйста, зовите меня Присциллой.

Она протянула собеседнику руку, тот с готовностью ее пожал, слегка покраснев при этом. Когда мама включает режим «очарование», большинство мужиков начинают краснеть и потеть, точно похотливые извращенцы.

— Замечательно! А я Тейт Грин, руководитель отдела по приему новых членов. Можем для собеседования пройти в главный зал.

Он подвел нас к лимонно-желтым полосатым диванам у большого панорамного окна с видом на поле для гольфа. Мы сели на длинный диван, Тейт пододвинул кресло и устроился напротив.

Посмотрел на свой клипбординг:

— Так, что у нас тут... Доктор Канг, вы работаете в клинике Вэлли-Вью?

Папа кивнул.

— Именно так. — Он сохранял полнейшую невозмутимость, правую пятку положил на левое колено. Темно-синий костюм, очки в черепаховой оправе — они с мамой выглядели такой симпатичной богатенькой азиатской парочкой из рекламы автомобилей БМВ. Воплощенная американская мечта.

— Вы давно работаете там хирургом?

Пока шел разговор, я таращилась на Тейта. Типа это он серьезно — сколько нужно проработать нейрохирургом, чтобы тебя допустили на зеленый ковер в этих священных залах? Тейт, видимо, чувствовал мой взгляд, потому что посматривал на меня искоса и время от времени начинал ерзать.

Когда он в очередной раз глянул на свой клипбординг — видимо, хотел спросить у мамы, сколько баллов она набрала, поступая на юридический, — я вмешалась в разговор:

— Тейт, я хочу спросить одну вещь про «Оаквуд».

Родители разом повернули ко мне головы, но мне было плевать, я подалась вперед — с ключицы на колени потекла струйка воды. Я не глядя ее смахнула.

— А когда в ваш клуб впервые приняли ЛИЦК?

Я не смотрела на маму, но почувствовала, что душа у нее вылетела из тела.

Тейт моргнул.

— А. Гм. ЛИЦК...

— Это значит «лицо с иным цветом кожи».

Он снова моргнул.

— А, ну да, это я знаю. Ну, так вот сразу не скажу...

Его запинки прервал мамин голос:

— Тейт, какие вы предлагаете летние программы для подростков? — И она не слишком деликатно, но твердо положила руку мне на колено.

Напряжение заметно разрядилось, когда Тейт, выпрямив спину, начал:

— У нас их несколько, на выбор. Лагеря по гольфу, теннису и плаванию, отдельный по художественному творчеству. Саманту что-то из этого интересует?

Я любезно улыбнулась:

— Я в этом году заканчиваю школу, Тейт. Так что меня вы, скорее всего, больше никогда не увидите.

Мама коротко, музыкально рассмеялась:

— Саманта — наш семейный юморист. Мы очень гордимся ее успехами в учебе.

Тейт еще раз посмотрел в свои записи.

— Она, как и ее брат Джулиан, будет поступать... ну, это... в Йель? — Он улыбнулся, без слов сообщая родителям: «Как же вам повезло». Они улыбались от уха до уха, но я-то видела, что довольно вымученно.

Медведь в лесу помрет, прежде чем я поступлю в Йель. Или в Калифорнийский университет. Или в какой-нибудь веселенький местный колледж, где гарантированы движуха и венерическое заболевание на первом же курсе.

Никуда я не поступлю — в отличие от брата Джулиана, который с детства был гением и вот теперь изучает что-то там страшно умное и такое специфическое, что про него даже писали в «Нью-Йорк таймс». Я же твердая хорошистка, и мне каждый год приходится торчать в летней школе, чтобы подправить средний балл.

Они еще некоторое время обсуждали крутость Джулиана, а я тарасилась в окно — пришлось щуриться, потому что зелень травы просто слепила.

— Саманта.

Мамин голос оборвал мою травяную фугу.

— Тейт спрашивает, чем ты занимаешься в школе. — В голосе была молящая нотка типа: «Только, пожалуйста, без фокусов».

Чем занимаюсь. Мама же в курсе, что я не хожу ни в какие кружки и секции. Я бросила на нее многозначительный взгляд.

— Ну, сижу на уроках. Разговариваю с друзьями. Обедаю. Потом снова сижу на уроках.

Нервные смешки со всех сторон. Тейт что-то записал на своей бумажке, кивнул:

— Ха-ха. Очень смешно. То есть у вас нет никаких там особых хобби?

Я на все это согласилась лишь потому, что для мамы, похоже, оно важно, так не скандалить же теперь. Но они явно решили меня довести. А окончательно меня добило то, что, если бы мне не подсунили в собеседники тупого неудачника из фильма Джона Хьюза, я могла бы поговорить о том, что мне нравится. По-настоящему нравится. О кино, книгах, подкастах.

Пересказать абсурдно длинную статью из «Нью-Йоркера», посвященную истории бананов.

Но Тейт не это хотел услышать. И предки тоже. Они все ушколобые — видят только то, что им понятно.

Я совсем ослепла от травяной зелени.

— Да, интересы у меня есть. Например, климат.

Улыбку Тейт так и не отклеил, но качнулся назад с предвкушением.

— Замечательно.

— Ага, и отсюда следующий вопрос. В «Оаквуде» используют сточные воды для ирригации?

На физиономии у бедного Тейта мелькнуло отчаяние. Пробормотать очередной запинаящийся ответ он не успел — мама глянула на меня с обманчиво безмятежным выражением лица.

— Саманта, я знаю, что ты у нас будущая активистка. — *Чего?* — Но вопросы здесь задают нам, не наоборот, так что давай посдержаннее, ладно? — Эти слова она произнесла непринужденно, с этакой доброжелательностью. Но я знала: потом мама меня просто убьет, если я сейчас не исправлю положение.

Поэтому я тоже улыбнулась, зная, как разрядить обстановку.

— Ха-ха. Разумеется. Просто об этом стоит подумать: я случайно узнала, что во всей Калифорнии ввели ограничение на полив полей для гольфа, а ваше выглядит просто изумительно зеленым. — Все задержали дыхание. — А если серьезно, я в последнее время увлекаюсь бодибордингом.

Все так дружно выдохнули от облегчения, что здание клуба едва не взмыло к самой луне.

глава 2

В тот же вечер в гостиной у нас орал телевизор, а родители готовили ужин. До меня, пока я шла от душа до кухни, долетали обрывки местных новостей.

«Самый сильный дождь в Лос-Анджелесе за несколько десятилетий... В последний раз подобная гроза бушевала в Лос-Анджелесе в 1995 году, тогда несколько человек погибли в результате затоплений и оползней».

Мама стояла ко мне спиной, жарила лосося на плите — тот громко удовлетворенно шкворчал. Папа резал фенхель на угловом столике, он поднял на меня глаза, глянул хмуро. Видимо, чтобы я сразу поняла, в каком мама настроении.

Я добралась до шкафа, взяла кружку, наполнила водой из-под крана, сунула в микроволновку.

— А чайник тебе на что? — Мама прижала филе лосося лопаточкой.

Я прислонилась к холодной мраморной столешнице — она врезалась мне в спину.

— Мам. Ну сколько раз говорить, что от микроволновок рака не бывает? Меньше слушай эту фигню из телевизора.

Она слегка улыбнулась, махнула лопаточкой в мою сторону.

— Гвинет она нравится.

— Если Гвинет скажет тебе засунуть нефритовое яйцо в...

— Сэм! — заорал папа.

Мы с мамой расхохотались, я осталась довольна. В последнее время заставить маму смеяться — дело нелегкое. Короткая пауза, а потом я решила вывести ее на чистую воду:

— Ну давай, говори уже.

— О чем говорить? — Мама убавила огонь под глубокой чугунной сковородкой, включила вытяжку — мне пришлось едва ли не орать.

— Я же знаю, что ты злишься из-за этого собеседования.

Она наконец взглянула на меня, вытерла руки о полосатый передник.

— Да нет, не злюсь. Просто...

— Давай угадаю! Ты мною недовольна.

— Слушай, ты дашь мне слово сказать? — Голос звучал запальчиво.

— Ладно, говори.

— Ну, ты уже слышала. Нет, я не злюсь. Просто хотелось бы, чтобы ты не так откровенно демонстрировала свое пренебрежение к тому, что для меня однозначно важно.

Микроволновка дзынькнула, но я не стала отвлекаться.

— Мне трудно понять, что для кого-то важно вступить в клуб. Ты сама понимаешь, что в современную эпоху это выглядит бредово.

— На самом деле, не понимаю. — Мама включила духовку. — Не все столь же нетерпимы, как ты, Саманта.

Я чуть не задохнулась. И она еще смеет такое говорить!

Мама продолжила:

— А еще мне было очень жалко этого паренька Тейта, когда ты задавала ему все эти неподобающие вопросы.

Я резко развернулась, вытащила из микроволновки кружку, все еще горячую.

— Неподобающе они звучат только в таких расфуфыренных учреждениях, как клубы. А еще у них поле для гольфа! Ты хоть знаешь, сколько воды тратится на содержание этих полей в Южной Калифорнии?

Мама бросила лопаточку в раковину.

— Хотя я очень ценю твою заботу об окружающей среде...

— Ну еще бы! Я же живу здесь, не где-то, у меня просто нет выбора! — оборвала ее я.

— Но не могу не задать вопрос: если у тебя столько энергии, почему не вступить в экологический клуб? Это тебе зачтется при поступлении в колледж.

— Чтобы ты знала: не все в этой жизни нужно делать ради красивой строчки в заявлении в колледж. — Я дотянулась до пакетика с ромашковым чаем, положила его в чашку. — А можно я заведу себе какое-нибудь хобби, которое не будут исполь-

звать, чтобы делать из меня добросовестного гражданина-потребителя?

Папа тихонько свистнул:

— А вот это уже грубость, Сэм.

Я покраснела:

— Прости, я не хотела...

— ...оскорблять нас столь беспардонно? — закончила мама ровным голосом.

На кухне повисло неловкое молчание. Папа возился с чем-то в холодильнике.

— Я же в общем смысле говорю, — объяснила я. — В мире и так слишком много потребления.

Мама рассмеялась:

— Ладно. Поживи в лесу в какой-нибудь коммуне.

— Мам. Отказаться от потребления — не значит жить в экстремальных условиях. Существует золотая середина.

Ответить она не успела — загудел ее телефон, она нахмурилась, посмотрела на экран.

— И почему вопросы, которые нужно обсудить подробно, мой сыночек всегда задает в сообщениях?

— Потому что он предпочитает, чтобы за него говорили машины, а сам он поменьше общался с людьми? — сухо предположила я.

Во время локдауна Джулиан просто расцвел, в отличие от всех прочих обитателей планеты Земля.

Мама покачала головой, ткнула пальцем в экран. Телефон ее звякнул на всю кухню — фейстайм.

— Алло? — раздался спокойный голос Джулиана.

Мамино лицо расплылось в улыбке.

— Джулиан! Ну и что там с оплатой за следующий семестр?

Они заговорили о чем-то, связанном с деньгами, я засунула голову в кадр у мамы за спиной и скорчила рожу.

Джулиан прищурился:

— Привет, Сэм.

— Привет, Джулиан, — ответила я, вглядываясь в его лицо.

Странный переход — когда сперва ты видишь человека ежедневно, а потом раз в несколько недель, причем на экране. Что интересно, Джулиан на каждом звонке оказывался немножко другим. Сегодня у него на подбородке виднелась легкая щетина. Любопытно. И щеки впали сильнее обычного. При этом изменения всегда были почти незаметными — а в целом он оставался Джулианом. Короткая аккуратная стрижка — всегда одна и та же, как и темные серьезные глаза под прямыми серьезными бровями. Джулиану явно суждено было рано или поздно влюбиться в какую-нибудь порывистую творческую личность, потому что сам он играл роль строгого импозантного ученого, который все-таки не откажется немножко пожить.

Исследование его лица прервала какая-то яркая вспышка на заднем плане.

— Ты что... играешь в *Breath of the Wild*? — спросила я.

Телефон дернулся — Джулиан поспешно куда-то потянулся. Экран у него за спиной потух.

— Да. Решил сегодня вечером отдохнуть от учебы.

Судя по выражению его лица, Джулиан считал, что играть в видеоигры в своей комнате в общежитии — это предел разврата. Это был полный улет, если вспомнить, что видеоигры — единственное, что нас объединяло в детстве. Мы никогда не обсуждали свои чувства, зато, играя, просидели бок о бок сотни, а то и тысячи часов. А поскольку понятия «ненавязчивое хобби» для Джулиана не существовало, его интерес к видеоиграм не сводился к тому, чтобы только играть. Он превратился в заядлого коллекционера антикварных игр — собрал все консоли *Nintendo*, начиная с первой *Nintendo Entertainment System*. Его старая спальня напоминала ностальгическую гробницу бывшего ботана из поколения X.

Мама бросила на меня косой взгляд:

— Джулиан имеет право на отдых, Саманта!

— Да я ж его не критикую! — воскликнула я.

Джулиан коротко рассмеялся:

— Видела бы, как я играю, критиковала бы. Я почему-то не смог пройти первый тайник Клана Йига. Инстинкт мне подсказывает все свалить на мультипликационные техники искусственного интеллекта, но на самом деле, наверное, дело не в этом.

Я покачала головой:

— Не ищи сложных объяснений, дружище. Клан Йига — действительно для продвинутых. Там на прорыв не пойдешь — нужна ловкость. И наблюдательность. В этой игре каждый проигрыш — шаг к пониманию. — Джулиан, что неудивительно, слишком тщательно анализировал компьютерные игры,

препарировал их в уме, пытался вникнуть, что и как работает. — Я целые выходные сидела у себя безвылазно, пока не разобралась. — Я посмотрела на маму. — Мам, ты этого не слышала. Зато ведь здорово, да? Сюжет отличный, такой не будешь.

— С наблюдательностью у меня не очень, — сознался Джулиан.

Папа пролез между нами, чтобы и его было видно:

— Привет, сын. Как там с биохимией? Такая же жуть, как в мои времена?

Я сделала шаг назад — меня, по сути, выпихнули из кадра.

Ответ Джулиана прервал громкий стук в стеклянную кухонную дверь. Снаружи в мокром плаще стояла моя тетя Грейс. Встретившись с нами взглядом, она махнула рукой.

Я открыла дверь — кухню заполнил шум ливня, а тетя Грейс проскользнула внутрь, вытерев ботинки о коврик у порога.

— Ух ты, ну и льет! — воскликнула она. — Я своими глазами видела, как на Второй улице машину взяло и смыло! Прямо библейский потоп!

— Ну да, все делают вид, что настал конец света. — Я взяла у нее плащ. — А я не знала, что ты к нам собираешься.

Она сняла ботинки, поставила на пол сумку с вещами для ночевки.

— Я же тебе сообщение послала!

— Что? — Я посмотрела на телефон. Разрядился. — Ой, прости. У меня аккумулятор в последнее время часа два жив — и все. Даже если не разговаривать. Как такое вообще бывает?